

гонщик, игрок
и посол ООН

Знаменитый бас Ферруччо Фурланетто известен как блестящий интерпретатор итальянской оперной музыки и Моцарта. Работал со многими известнейшими оркестрами и дирижерами, среди которых Герберт фон Караян, Лорин Маазель, Клаудио Аббадо, Леонард Бернштайн, Риккардо Мути. Выступает на ведущих сценах мира: «Ла Скала», Венская государственная опера, «Ковент-Гарден», Опера Бастиль, Метрополитен Опера, театр Колон в Буэнос-Айресе, оперный театр Токио. Имеет почетное звание Kammersanger Венской государственной оперы. Принимает участие во многих международных музыкальных фестивалях, частый гость в Зальцбурге. Почетный посол ООН. Среди увлечений — гольф, спортивные машины и вино.

Как раз перед приездом в Петербург я был в Вене и впервые выбил максимальное количество очков. Это был мой личный рекорд. Начал я играть в двадцать шесть лет, в 1978 году. А до гольфа увлекался теннисом. Но, как только начал играть в гольф, моментально забыл про теннис. Это занятие поглощает тебя целиком.

В какой семье вы родились, где и у кого учились?

Родился я в крепкой буржуазной семье. Мой отец был летчиком, мать — учительницей. В семье существовала определенная традиция, в какие именно школы отдавать детей. Я больше интересовался гуманитарными предметами, и меня отправили в гуманитарную школу. А брата — в естественнонаучную. Я получил совсем недурное классическое образование, абсолютно не связанное с музыкой. Окончил так называемый liceo classico, где нам преподавали древнегреческий, латинский языки, итальянскую литературу, филологию. После школы решил заняться лесоведением и поступил в университет. Проучился там два года, но тут мне пришлось резко менять жизнь; обнаружилось, что у меня есть голос. Обширная гуманитарная подготовка у меня уже была. А если вы собираетесь сделать своей профессией искусство, то нет лучше школы, развивающей интеллект и кругозор, чем классический лицей. Гуманитарные предметы просветляют разум, открывают вам новые горизонты знания. Однако если вы посвятите этому жизнь, вам прямая дорога в университет. Проблема в том, что гуманитарные профессии — совсем не «хлебные». Какие перспективы перед вами открываются? В лучшем случае — кафедра профессора древнегреческого в университете. Но я всегда знал, что у меня есть голос. Я унаследовал его от дедушки. Еще когда я был подростком, пел в группе под гитару, мы записали два диска. Некоторое время я даже выступал на телевидении как эстрадный певец. Но мне очень не нравилась царящая в сферах поп-музыки атмосфера. И я оставил эстраду. А если природа наградила вас голосом, это накладывает на вас определенные обязательства: вы должны использовать этот дар, развивать его. В намерении стать оперным певцом меня поддерживала тетя. Она не уставала повторять: «Почему бы тебе не попробовать? Попытайся!» И я попытался. Дело пошло неожиданно легко, быстро и удачно. Я оказался абсолютно благословен в своем выборе.

Кто был вашим первым педагогом по вокалу?

Моим первым и единственным педагогом стал Этторе Кампогалиано. Очень знаменитый педагог, жил в Мантуе. Тогда ему было уже далеко за семьдесят. Он учил в свое время Ренату Скотто, Лучано Паваротти, других знаменитых итальянских певцов. Он был великолепным музыкантом. У него совершенно не было певческого голоса, что, я думаю, являлось в данном случае преимуществом. Зато он был человеком невероятно высокой культуры. Никто лучше него не умел показать, как зарождается и длится звук. Способы интерпретации, фразировка, форма — все становится легким и ясным, когда вам объясняет человек, обладающий уникальным преподавательским даром. Вы начинаете ощущать динамику фразы, фазы ее развития. Учитесь петь плавным, ровным звуком. Кампогалиано сделал из меня певца. И личное удовлетворение, которое мне дает сегодня профессия, — это ни с чем не сравнимое наслаждение. Я пою в первую очередь для себя. И затем, конечно, для зрителя. А это ведь большое везение, когда профессия становится образом жизни и хобби одновременно.

«я не просто люблю русский репертуар — я его обожаю»

Ферруччо Фурланетто — Газете

Знаменитый итальянский бас Ферруччо Фурланетто приехал в Петербург на фестиваль «Звезды белых ночей», чтобы выступить в спектаклях Мариинского театра «Борис Годунов» и «Дон Карлос». Перед выступлением с певцом встретилась Гюляра Садых-заде.

Фотограф:
Никита Инфантьев / Газета

Вы считаетесь по преимуществу вердиевским и моцартовским певцом. Как вы чувствуете себя в русском репертуаре?

Я исполнял русские партии всегда либо с русскими, либо с болгарскими дирижерами. Моего первого Бориса я делал с маэстро Ежи Семковым. Три года назад мы с Алексисом Вайсенбергом — он по происхождению болгарин — сделали большой камерный цикл из романсов Рахманинова и Мусоргского. Так что мне нравится петь русский репертуар, это важный этап моей жизни. После того как я спел почти всего Моцарта — а я делал моцартовские партии с самыми великими дирижерами и в самых знаменитых театрах, — я возвращаюсь к гораздо более «тяжелому» для голоса репертуару: пою в операх Верди, в «Дон Кихоте» и «Фаусте» Гуно. Русский репертуар я рассматриваю как конечную цель моей карьеры. Именно в русской опере я нахожу изумительно сильные характеры, такие как царь Борис и многие другие. В настоящий момент самыми важными для меня являются вердиевские партии. Здесь, в Петербурге, я буду петь партию короля Филиппа из «Дон Карлоса». Когда вы поете столь обширный репертуар, неизбежно приходится делать выбор, на чем-то концентрироваться особо. В моем случае голос, безусловно, важен; однако не менее важно быть ярким интерпретатором партии. Партии Дона Жуана, короля Филиппа требуют от певца особого драматического дара. Так же, как и партия царя Бориса.

Намерены ли вы осваивать другие крупные оперные характеры русской оперы? Князя Хованского или князя Игоря, например?

Я был бы счастлив их исполнить. Но в Западной Европе эти партии чаще всего поручают русским певцам. А иногда и полностью переносят русские постановки на сцены знаменитых театров. Например, недавняя постановка в Триесте «Бориса Годунова» полностью заимствована из какого-то восточного театра. И в Милане шел тот самый «Борис Годунов», который идет у вас в Мариинском театре: это была копродукция. Я пел в Милане на премьерном спектакле с маэстро Гергиевым, так что ваш спектакль мне знаком.

В будущем я планирую сделать «Хованщину», но, к сожалению, это не так-то легко. «Борис» в этом смысле стоит особняком. В глазах западного человека «Борис» — самая главная русская опера, поэтому западные театры чаще всего обращаются именно к «Борису». Я лично очень люблю «Ивана Сусанина» Глинки. Там просто сказочная, фантастическая музыка. Так что я не просто люблю русский репертуар — я его обожаю.

Русские певцы все чаще приглашаются в западные театры и поют там не только в русских операх. Достаточно ли органично наши вокалисты интегрированы в мировой оперный процесс, не отличается ли их манера пения от западной?

Русские певцы прекрасно поют не только русский, но и итальянский репертуар. Остается лишь мечтать, чтобы итальянцы с такой же свободой пели русские партии. Я с огромным уважением отношусь и к моим коллегам, но считаю, что пению не должны мешать границы и языки. Певец должен петь любой репертуар, вне зависимости от национальной принадлежности. Что касается интеграции, то русские певцы полностью интегрированы в западный оперный процесс. Этой весной я пел в Метрополитен Опера «Итальянку в Алжире» Россини в старой красивой постановке Поннеля. Пел там и в «Фигаро». И должен заметить, в спектаклях Метрополитен почти всегда задействованы несколько молодых русских певцов. Я знаком и с такими знаменитыми русскими, как Паата Бурчладзе. Недавно мы были с ним вместе в Риме на постановке «Дон Карлоса». Паата очень популярен на Западе.

Вы упомянули, что перешли на более «тяжелый» репертуар. Означает ли это, что вы теперь не поете Моцарта?

В каком-то смысле да, я отошел от Моцарта. Видите ли, вокальная жизнь певца проходит разные этапы. С возрастом голос «тяжелее», регистр опускается ниже. Когда я начинал карьеру, мой голос подходил для небольших партий Верди, таких как Спараччио из «Риголетто», Отец Гвардиан из «Силы судьбы». У меня от природы обнаружился голос темного

тембра. Я даже и не помышлял о том, чтобы когда-нибудь стать моцартовским певцом. Однако это случилось. По крайней мере пятнадцать лет я пел почти исключительно Моцарта: Дон Жуана, Лепорелло, Фигаро, Графа Альмавиву, Альфонсо. Но партии